

Павел Чхартишвили

О жизни, поэзии и любви

Доброго дога звали Чук

Родители Музы Ребриковой работали на московском заводе: мама в отделе кадров, папа механиком. Папа был старше мамы. Знал каждый винтик конвейера и любого станка. Когда что-то ломалось, ему звонили, даже ночью, и присылали за ним машину. Семья состояла из Музы, её родителей и родителей её мамы. Жили все пятеро в девятиметровой комнате. Кроме них, в квартире проживали ещё две семьи.

Музу крестили. Это стало известно в заводском комитете влксм. Ребриковой-маме вынесли выговор с занесением в учётную карточку.

Первое сентября 1957 года выпало на воскресенье. На следующее утро Муза отправилась первый раз в первый класс с мамой и тяжёлым букетом гладиолусов.

Училась Ребрикова-младшая старательно, из года в год являясь старостой. После уроков занималась с двоечниками. Её слушались даже хулиганы. Сосед по парте Валера как-то ей сказал:

— Ты красивая.

Девочка не ответила.

Семья получила от завода отдельную трёхкомнатную квартиру.

В восьмом классе на экзамене по геометрии к Музе подошла математичка, шепнула:

— Закончишь — помоги Валере.

В аттестате зрелости Ребриковой троек не оказалось, пятёрок было больше, чем четвёрок. Муза поступила в Московский полиграфический институт. Когда девушки в группе обсуждали одногруппников, она отмалчивалась. Один из них, Иванченко, пытался сблизиться с Ребриковой. Как-то он в вагоне метро, под шум в сотню децибел, поделился с Музой мыслями:

— В религии (даже когда она называет себя наукой) всё основано на вере, на священных постулатах, сомневаться в которых запрещено. А подлинная наука требует не веры, а знания, критики, проверки всех, даже самых авторитетных, утверждений путём анализа, исследований, измерений.

Услышал ответ девушки:

— Самые умные люди могут ошибиться. Бог — никогда.

Не заинтересовал Иванченко Ребрикову.

Крещёную комсомолку избрали в институтский народный контроль. Она явилась в столовую снять пробы. Дошла очередь до киселя. Девушка заявила: — Что-то несладкий. Надо подбавить сахара.

Недовольная повариха буркнула:

— Придётся из своего сахара добавить.

Вынесла из подсобки большую глубокую тарелку, доверху наполненную песком, высыпала в котёл с киселём.

Умерли бабушка и дедушка Музы.

Защитив дипломный проект, девушка стала инженером-технологом полиграфии. Была распределена в типографию и с увлечением принялась за подготовку к печати текстовой и графической информации, изготовление печатных форм, контроль качества. Распределяла процессы между работниками. Её старания не остались незамеченными начальством.

А ровесницы тем временем выходили замуж и рожали. Музе не то чтобы совсем не хотелось этого; ей хотелось, чтобы ей этого хотелось. Но парни и мужчины её не интересовали, были совершенно ей не нужны. Так что немного видела Ребрикова счастья.

Знакомый дал ей почитать самиздат — стихи Медеи Асавиной. Одно стихотворение захватило Музу.

Молитва

Кто придёт на свою же тризну,
Тот на ней
Посмеётся над жалкой жизнью
Над своей.

Постучится с мольбою: «Боже!
Отвори!
Все печали, какие можешь,
Сотвори,

Ниспошли мне, приму без звука,
Всё ничто.
Но за что мне *такая* мука?
Ну за что?

Я пирую, никем не признан,
Я пою.
Не на чью-то пришёл я тризну,
На свою.

Я молю Тебя, жду ответа.
Где ответ?
Мне неизвестно: всё отпето
Или нет.

Или завтра дорогой пыльной
И прямой
Я уйду, молодой и сильный—
И хмельной.

Поэтесса выразила всю тоску девушки.

Муза думала: может быть, я нездорова? Внутри её, в глубине души зрело восстание. И девушка решилась.

Явилась к участковому терапевту, высидела очередь и сказала:

— Пожалуйста, ничего не записывайте. Я пришла не за больничным. Меня удивляет отсутствие полового влечения.

— Лечения?

— Влечения.

— Больше ничто не мучит?

— Мне этого хватает.

— А как настроение?

— Скверное.

Врач помолчала. Спросила:

— Вы видели в музее скульптуры обнажённых мужчин?

— Конечно.

— Как вы на них реагировали?

— Равнодушно.

— А на аналогичные женские?

— Так же.

Терапевт задумалась.

— Неспособность любить вас огорчает?

— Убивает.

— А вас не беспокоит, что вы не можете прыгнуть в высоту на два метра?

— По-моему, это несоизмеримо по важности для человека: прыжки в высоту—и...

— Несоизмеримо по важности для человека...— повторила врач.

Помолчала. Продолжила:

— Животный инстинкт, быть его рабой—зачем вам?

— Ну, рабой—не знаю. Но я хочу иметь человеческий инстинкт.

— Что же, вам мужика положить?

— Пусть мне сделают влечение, и я сама, без постоянной помощи, найду себе мужчину. Впрочем, если я напрасно обратилась, извините.

— Нет, конечно, вам надо помочь.

Терапевт подумала.

— Случай вообще-то нередкий,—сказала она.— Но ваша откровенность...

— Станешь откровенной... Жизнь проходит мимо, а я в стороне.

— Вам нехорошие мысли не приходили?

— Нет.

Приходили. Но если бы Ребрикова созналась, её бы связали. Она сказала:

— Я считаю, что это ненормально, что это болезнь. А если это болезнь, почему не попытаться её вылечить?

— Да, это aberrация, отклонение от нормы. Но это не болезнь. Это изъян. Вам следует проконсультироваться у психиатра. Мне кажется, здесь есть что лечить. Психиатр выпишет вам препараты, повышающие настроение.

— Настроение-то— следствие.

— А мы начнём со следствия. Глядишь, и удастся разогреть ваше сердце. А нет—что ж. В жизни человека самодостаточного есть свои плюсы. Будете жить другими интересами. Я вам больше скажу: возможно, взрослые люди, не испытывающие физической потребности в партнёре,—это счастливы, у них одной заботой меньше, а про радости я и не говорю.

Муза не нуждалась в искусственном, таблеточном хорошем настроении и ушла.

Не стало папы и мамы.

Ребрикова полностью отдалась работе, которая оказалась лучшим лекарством. Доросла до должности директрисы. Типография обслуживала объединения разных профилей, выполняла цветные рекламные работы на уровне импортных. Муза пользовалась авторитетом, не подводила многочисленных заказчиков.

Однажды ей приснился кошмар: она—девушка, учительница биологии, ей предстоит давать старшекласникам урок о половом размножении человека, под ржание созревших юных самцов. Проснулась и вздохнула с облегчением.

Грянула перестройка. Ожили не пришедшиеся когда-то к брежневско-сусловскому двору косыгинские идеи рентабельности, прибыли, хозрасчёта. В стране впервые после ленинского нэпа была легализована частная собственность. Начали оформляться ооо. Заказы банков и фирм приносили типографии Ребриковой немалый доход. Из директрисы типографии Муза превратилась в её владелицу, в бизнесвумен. Годы, для многих «лихие», были для неё благополучными, женщина избавилась от работы по дому.

Занималась благотворительностью: художники и музыканты часто были не в состоянии самостоятельно оплачивать выпуск буклетов о своём творчестве.

В России возродилось Православие. Многие хотели помочь Церкви, и Ребрикова решила участвовать в этом. Церковь не могла оплачивать красивые печатные работы по истории храмов и монастырей. Муза начала заказывать в ведущих библиотеках из запасников редкие издания и литографии, которые ранее можно было видеть только на выставках, под стеклом. Цветные, высокого «подарочного» качества фото икон, убранства

монастырей, трудов старцев для больших религиозных праздников она изготавливала бесплатно и ощущала признательность высших чинов Церкви, а также простых людей. Людская благодарность предпринимательницу радовала.

По вечерам она читала. Прочитала в Новом Завете, в послании святого апостола Павла к Ефесянам: «Господь вознаградит каждое доброе дело».

Хорошее полиграфическое оборудование Муза закупила за границей. Доллар рос, и оснастка дорожала. В результате подскочили в цене полиграфические услуги. Появились цифровые машины, новые технологии, менее качественные, но дешёвые. Фирменное качество стало убыточным. Частных типографий стало много, число заказов сократилось, конкуренция мешала повышать цены. Оказалась не по силам аренда помещений типографии. В один не прекрасный день пятидесятидвухлетняя Ребрикова её закрыла.

Пришлось снова самой ездить на рынок. Выискивала там подешевле маргарин «Рама», «ножки Буша», бульонные кубики «Кнопг — вкусен и скор!».

В некоторых (немногих) литературных журналах платят гонорары. Муза созрела для сочинительства, у неё накопилось что сказать людям. Написался рассказ «Жизнь без печали», послала в «Новый Рим». Ей тут же приснилось, что напечатали; пробуждение принесло разочарование. Но сон оказался вещим! Ей прислали экземпляр журнала и небольшие денежки. Вскоре получился второй рассказ: «Чувство иронии и первый снег». Отправила во «Флаг» — снова пришла скромная сумма. Дело пошло.

В 2005 году Ребрикова начала получать пенсию, правда, нищенскую, но через четыре года пенсии повысили.

Телевизор Муза не смотрела: достала реклама. Спасение от одиночества по-прежнему находила в чтении. Сочиняла. Бродила по дорожкам между корпусами.

Был ранний вечер. Душу пенсионерки наполнило последнее воскресенье лета. Ветерок был уже осенний. К ней пристроился, спросив разрешение, пожилой мужчина с немецким догом. Представился: Арон Левкович. Он оказался разговорчив. Сообщил между прочим, что младенцем был обрезан, позднее крещён; у Ребриковой мелькнула мысль: как Иисус! Арон известил, что позавчера отпраздновал семьдесят первый день рождения. Беседовали. Муза поведала, что недавно на экране монитора возникла надпись: «Срок лицензии Windows истекает. Необходимо активировать Windows в параметрах компьютера». Пришлось пригласить мастера. Тот всё сделал за пятнадцать минут и без малейшего стыда взял с пенсионерки треть пенсии.

Стали гулять вместе. Доброго дога звали Чук.

Новый знакомый рассказал свою жизнь. Он в юности увлекался политикой. Но при Брежневе не было различных партий и их газет. Прикоснуться к политике можно было, поступив на истфак. История распадается на политическую, экономическую, военную, историю культуры и искусства и так далее. Левкович поступил в педагогический и выбирал для докладов, курсовых и диплома темы, связанные с политикой, ему было интересно, он получал пятёрки, можно сказать, отвёл душу. После вуза у советского историка существовали три пути: наука, преподавание и архив. Стать аспирантом у Арона не было шансов (не та национальность). Заведующая роно заглянула в паспорт молодого специалиста и отправила его восвояси. А в Государственном архиве парня охотно взяли, поначалу на восемьдесят рублей. Там Левкович десятилетиями добросовестно исполнял нужную тяготину, не связанную даже с историей, что там говорить о политике. А тем временем политика в стране забурлила. Но Арон был уже немолод и не рискнул сорваться с насиженного места. В конце концов ушёл на заслуженный отдых с должности главного специалиста. Наступило безделье, такое же скучное, как былая работа.

Рассказал Музе свой сон: он в страхе идёт по городу, оккупированному национал-социалистами, и в любой момент кто-то может показать на него: «Жид!»

У пенсионера сохранился интерес к политике. Он в ней разбирался. Поделился мыслями с Музой:

— Старого социализма народ не хочет, помнит дефицит. Хочет, чтоб не было «буржуев» и чтоб была колбаса. При этом многие не понимают, что не будет «буржуев» — не будет и колбасы. Но лидерам оппозиции это ясно. Они, если придут к власти, не тронут предпринимателей, только повесят вывеску: «Новый социализм».

Ребрикова приходила к Левковичу и Чуку домой. Арон ставил на проигрыватель пластинки сефардской и клезмерской музыки, и на женщину веяло магнетическим ароматом еврейского искусства. Левкович сказал, что, по его мнению, евреи и русские — два самых многострадальных народа. Признался, что еврейская история и нынешние проблемы Государства Израиль (в котором он ни разу не был) его волнуют не больше, чем история и проблемы Аргентины или Австралии: — Я не еврейский патриот, я космополит. Еврейский Берия меня посадил бы.

Арон интересовался русским галантным веком, предлагал послушать Трутовского, Хандошкина, Соколовского, Фомина, Пашкевича. Слушали втроём. Мелодии были трогательными. Гостя об этих композиторах раньше не слышала; знала из той эпохи только про матушку-царицу Екатерину с «голубчиком Гришенькой».

Однажды во время прослушивания зазвонил телефон. Звонил однокурсник Левковича. Сообщил, что сегодня была кремация Вики Даниловой. Однокурсник знал, что полвека назад Арон любил её. Левкович спросил:

— Какого числа она умерла? Я запишу.

Музыка освещала душу Ребриковой, рождалось сочувствие Арону, зарождались стихи про слёзы чистые, словно снежные хлопья, про печаль нежную, как туман.

Левкович стал для Музы дорог. При этом в её душе не было места тому, чем жил Арон. Политика, история и многие другие вещи оставались для Музы внешними факторами, не затрагивавшими глубину, важно было одно: чтобы они не осложняли жизнь. Всё основное для Ребриковой, всё волновавшее её, составлявшее её суть, происходило в её сердце. Оживали дорогие моменты детства и ранней юности, мечта и обίδα молодости. Ощущалось пришедшее в старости понимание жизни; приподнявшаяся, но не опоздавшая радость любви: женщина её дождалась. Два старых человека, оставаясь разными, составили единое целое.

Они часто слушают русские народные песни. Муза думает: сколько в них красоты и юмора!

Арон хвалит её рассказы. Он перебрался с Чуком в её трёхкомнатную квартиру, а своё жильё сдал семье из Калуги. Левкович и Ребрикова — члены актива храма. Читают православную литературу. Муза вспоминает слова апостола: «Господь вознаградит каждое доброе дело». Уверена, что счастье ей и Арону послал Бог.

Мистер Хардинг, Лера и пятиэтажка

*Юность — единственная пора жизни,
когда мы чему-нибудь научаемся.*

Марсель Пруст.

Под сенью девушек в цвету

1.

Семья Широковых жила в Москве, в Олсуфьевском переулке.

Артемий Вячеславович Широков хорошо помнит сентябрьский вечер 1964 года, когда к ним пришли гости: мама подруга с сыном — учащимся электромеханического техникума. Женщины стали обсуждать обстоятельства гибели Пушкина. Мама Артёма сказала:

— Жаль, что Александр Сергеевич был так вспыльчив. Другой бы на его месте жил себе спокойно, носил стёганый халат, играл с детишками, не рискуя жизнью и не подставляя себя под пулю. Всех козлов не перестреляешь, надо как-то с ними ужиться.

Разговор коснулся поэзии Маяковского. Гостья выразила мнение, что у того в стихах слишком много политики. В ответ папа Артёма сказал, что в юности Маяковский гениально писал о любви,

его как поэта погубила Октябрьская революция, но чего никогда не было в его стихах, так это пьяной есенинской мути. Мамина подруга возразила: — Лучше кабак, проститутки и драки, чем:

...Словесной не место кляузе.

Тише, ораторы!

Ваше

слово,

товарищ маузер.

— Под этим подписался бы доктор Гёббельс, — молвила гостья.

Сын её поведал восьмикласснику Артёму, что каждый месяц получает стипендию двадцать рублей, а ещё они после занятий играют в баскетбол. Вот здорово, подумал Артём.

Он выбрал в справочнике учебных заведений Московский техникум электроники и автоматики (МТЭА) на Большой Ордынке. Родители были «за»: на дворе стояла эпоха физиков, а не лириков.

2.

В августе 1965 года, написав в техникуме на пятёрку диктанта, сдав на четвёрки устно и письменно математику, Широков увидел свою фамилию в списке второй группы первого курса — группы А-12 — и вздохнул с облегчением. Рядом стояла абитуриентка и шмыгала носом.

— Не поступила? — спросил Артём.

— Да. Тройка за диктанта. Я без ума от электроники.

— Через год поступишь, — обнадёжил Широков.

Группа А-12 съездила в воскресенье на пикник. Бабье лето, церквушка на пригорке, засыпанная по пояс листопадом, вода в водохранилище уже холодная, не искупаешься, в небе журавлиный клин, вино — не дома при родителях и их гостях, а впервые самостоятельно, в своей компании, в честь долгожданного начала взрослой жизни.

В октябре, присоединив вторую стипендию к первой, Артём отправился на ярмарку в Лужники, чтобы купить за сорок рублей кинокамеру «Спорт-2», которую давно приглядел. За окном автобуса накрапывал дождь, жёлто-красные листья прилипали к асфальту. Проезжающие машины безжалостно давили погибающую красоту ушедшего лета, рождая в голове юноши ещё не совсем оформившиеся, но вполне кинематографические образы. Затем, в его шестнадцатый день рождения, родители подарили ему кинопроектор «Луч», стоивший семьдесят рублей, и осветительную лампу на треноге. Ни у кого в техникуме не было подобной роскоши. Так создались основные условия для рождения кинокомпании. Она состояла из одного человека. Не хватало только названия, но за этим дело не стало. Широков как-то снимал на перемене ребят и девочек из своей группы, и его увидел завуч Василий Васильевич Славолобов, преподававший «Детали машин и механизмов».

Он предложил Артёму организовать кинокружок, но тот совсем не загорелся этой идеей, ощутив, что его хотят поставить под контроль и завладеть его сокровищами. Завуч на ближайшем уроке раздражённо заметил:

— Вот предложил Широкову организовать кинокружок, а он отказался. Частник, понимаете!

Словечко как нельзя лучше подошло для названия кинокомпании. Компания «Частник», в лице её основателя, вскоре задумала художественный фильм из американской жизни—о чём же ещё? Сценарий сочинил сам основатель и владелец фирмы. «Поднять» звуковой фильм «Частнику» было не по зубам, пришлось довольствоваться титрами. Режиссёром по совместительству был назначен автор сценария—разумное решение. Вкратце, по сценарию, дело обстояло так. Главный редактор не пользовавшейся популярностью городской газеты «Дэйли Хроникл», желая поднять на неё спрос, инсценировал серию жестоких убийств. Газета поместила фоторепортажи с мест событий, и двойной тираж был раскуплен за час. Глава полиции города Старр узнал об убийствах, читая «Дэйли Хроникл». Озаботившись серьёзностью происходящего, он поручил расследование лучшему детективу Фрэнку. Прослышав об ужасах на улицах города, к Старру приехал начальник полиции штата Хардинг. По тщательно разработанному сценарию они должны были от разговоров перейти к выпивке. Хардинг хотел чокнуться со Старром, но простодушный Генка Капитанов, игравший последнего, сразу опрокинул рюмку в рот, и рука его начальника повисла в воздухе—это стало неожиданной находкой, понравившейся зрителям. Как во всяком порядочном западном фильме, были предусмотрены рекламные паузы. Оля Кубикова—самая красивая девушка группы А-12, дочь директора культурного московского магазина «Немецкая мода», в туфлях на шпильках, в шокирующем брючном костюме,—держала в кадре плакат со стихами Гены Капитанова, восхваляющими продукцию фабрики «Сапогъ»:

Только в туфлях этой фирмы
Выбегаем из квартир мы.
Ходит в них и млад и стар,
Мистер Хардинг, Фрэнк и Старр.

В кадре трое бравых полицейских сидели и болтали ногами в надраенных до блеска туфлях. Потом Хардинг топнул ногой, Старр и Фрэнк вскочили и застыли по стойке «смирно». В другом кадре Оля явилась с плакатом:

В любое время года
Природа ждёт народа.
Наплюйте на погоду,
Глотните кислороду!

Стихи того же автора. На экране демонстрировались фотографии сентябрьского пикника.

Но вернёмся к сюжету. Фрэнк разоблачил газетного шефа-авантюриста и арестовал его. Новый главный редактор «Дэйли Хроникл» напечатал сенсационную статью о том, что в афере с «убийствами» замешан глава городской полиции Старр, и опять был успех: не любившие полицию горожане томились в очередях у газетных киосков. О своём преступлении бедняга Старр узнал с изумлением из СМИ, причём из того же самого. Он звонил Хардингу, клялся, что, ей-богу, жёлтая пресса врёт («Падла буду!»)—заверил он задолго до реплики из фильма Георгия Данелия «Мимино»), но всё-таки ему пришлось подать в отставку и устроиться барменом.

В день премьеры последним занятием был английский. Молодёжная, но уже замужня «англичанка» Агнеса Алексеевна Дыкина тоже осталась посмотреть. На экран у кинокомпании средств не хватило, поэтому завесили доску простыней. Задёрнули шторы, погасили свет, включили магнитофон Оли Кубиковой. Короткометражная фильма пошла под песни знаменитой британской рок-группы—лучшее музыкальное сопровождение придумать было трудно. Заметим, что «Жуки» из Ливерпуля не пели ничего антикоммунистического, но всё равно это было буржуазное искусство, от которого советских людей надо было оберегать, поэтому пластинки «битлов» СССР не закупал. Граждан выручали магнитофоны.

Вернёмся к нашему повествованию. Во время начавшегося просмотра по коридору проходил завуч Славолубов. Ему с утра было тошно, потому что в левое ухо влетела муха, шевелилась там, ворочалась и никак не могла выбраться на волю. Он не лез в ухо пальцем, боясь запихнуть муху глубже. Зашёл в аудиторию. Артём, выполняющий по совместительству обязанности киномеханика, остановил проектор. Магнитофон работал.

— Что здесь творится? Кто заводила?—вопросил в темноте завуч.

Зрители молчали. А ливерпульская четвёрка голосила: «She loves you, yeah, yeah, yeah! She loves you, yeah, yeah, yeah!»

Дыкина попросила приглушить магнитофон и обратилась к своему начальнику:
— Василь Васильч! Мы смотрим кино. Присаживайтесь, посмотрите с нами.

Славолубову было не до важнейшего из искусств: муха в ухе трепыхалась всё сильнее. Но он сел. Картину и звук запустили сначала. Когда кончилось, завуч сказал, морщась:

— Ничего не понял. Что там в фильме происходит?
Встал и вышел, хлопнув дверью. Заслушали выступление другого киноcritика—Агнессы Алексеевны:

— Я всё поняла. Молодцы. Для дебюта нормально. Но на будущее имейте в виду: сюжет не обязателен, больше твиста и всякого грохота. Пусть доискиваются смысла, меньше смысла—больше смеха, долой грани между драмой и комедией. У вас уже есть главное—кинозвезда.

Все с интересом посмотрели на Олю.

Ребята иногда пользовались добрым расположением «англичанки», подходя к ней на уроке с иностранными журналами и прося перевести то одно, то другое. Дыкина охотно переводила. При этом прекрасно понимала хитрость учеников, потому что в конце урока говорила:

— Всё. Опрос.

Ребята вопили:

— Агнесса Алексеевна! Осталось пять минут!

— Пять минут могут потрясти мир,—отвечала леди Агнесса.—Comrade Shirokov, please!

Артём показал фильм дома. Родители не оценили. По мнению мамы, работавшей в издательстве, было затянато. Отец же, старший преподаватель Московского международного дипломатического института, назвал сюжет развесистой клюквой:

— Не похоже на американскую жизнь. Скорее, на марсианскую.

Сын обиделся:

— Это авторское кино. Не для всех.

Ещё бы. Он все свои сбережения ухлопал на картину.

Вера Викторовна Рощепкиной, преподавательнице обществоведения в мтэа, исполнилось сорок. Её сына—ефрейтора Рощепкина—замполит сделал кандидатом в члены КПСС. Полк дислоцировался в Ленинградской области, но партсобрания проходили в городе на Неве. Молодой коммунист периодически получал увольнительную записку и «отрывался» (молодёжный сленг позднейших времён) в Северной столице. Всем бы так служить.

Вера Викторовна после развода переживала одно увлечение за другим, была в любви профессором. А ещё она читала. В книгах приключения героев ей были интереснее мыслей, поэтому Конан Дойла и Дюма-отца она ценила выше Теккерея и Камю. Вера Викторовна верила в викторию коммунизма. Призывала учащихся не слушать западные «голоса», в результате неподвинутая часть аудитории узнала от преподавательницы партийного предмета о существовании доступной альтернативой информации. Объясняла: «„Известия“—развлекательная газета, надо выписывать „Правду“—орган нашей партии». Поручила Широкову подготовить сообщение «Всемирно-историческая роль рабочего класса и неизбежность его победы», вручила ему брошюру. Артёма поначалу смутила глобальность темы, ему казалось, что она не для техникумовского первокурсника, а для бородатого основоположника. Но в итоге он

справился, мало сказать—он разгромил самых выдающихся идеологических наймитов империализма, те, скорее всего, впали в шок и в депрессию. Что любопытно: присутствовавших, в том числе Рощепкину, Широков ничуть не удивил. Получил пятачку.

В Нью-Йорке произошло массовое отключение электроэнергии, мегаполис погрузился во тьму. В Москве вагоны метро по утрам и вечерам ломились от мокрых плащей и пальто. На тротуарах и мостовых лежала ноябрьская слякоть. В Институте русского языка и литературы выступили Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин. В эти дни комитет комсомола мтэа предложил группе А-12 отправиться в воскресенье на плодоовощную базу, расположенную близ Зубовской площади. Работать предстояло, во-первых, бесплатно, во-вторых, добровольно, то есть явиться обязаны были все. Не вызвало сомнений, что перебирать предстояло картошку или другие неэкзотические овощи. Каково же было удивление собравшихся, обнаруживших объектом приложения своих усилий не грязные полугнилые картофелины, а «апельсины из Марокко», уложенные в аккуратные ящики. На каждом апельсине оказалась наклейка со словом «Jaffa». Учащихся предупредили:

— Здесь ешьте сколько хотите, с собой уносить нельзя!

Работа закипела. Каждый открыл по ящику, достал по апельсину и почистил фрукт от приятно пахнущей кожуры. Отправляли в рот дольками или сразу половинку апельсина, прислушиваясь к реакции собственных молодых организмов. Спустя несколько минут операция была повторена. Третий апельсин уже елся с трудом, а четвёртый даже не хотелось чистить. Учащиеся перешли к переборке. Подгнивших апельсинов почти не было. Некоторые неординарно мыслящие нашли применение выданным топорикам, разрубая фрукт пополам и выжимая сок из половинок прямо в рот. Пришла расплата за такое роскошество: сок попадал на пальто, пахнувшие затем до весны апельсинами. Дима Петрушев всё же утащил один апельсин братику. За десять лет до этого воскресника мама и папа Петрушевы привезли из роддома свёрток, положили его поперёк кровати, и свёрток заорал.

Группа А-12 не забыла вкусный воскресник. Понимание, из какого «Марокко» приехали в Москву апельсины, пришло позже.

Ярчайшим событием для Артёма стала победа его любимой футбольной команды «Торпедо» в чемпионате СССР. На следующее утро он купил по одному экземпляру всех газет, вплоть до «Советской торговли», «Социалистической индустрии» и «Лесной промышленности» (в советское время такая грандиозная покупка материально не была обременительна). В сумку газеты не влезли. Артём

на руках принёс эту кипу в техникум. Преподаватель радиоэлектроники Борис Такисович Вилодаки опешил:

— Широков, я вас уважаю за ваш интерес к политике, но вам следует уделять время и моему предмету.

Дома Артём, оставив без внимания политику, уделил весь вечер чтению последних страниц газет. Он вырезал фотографии и наклеивал в альбом. У него совершенно не осталось времени на удовлетворение просьбы Бориса Такисовича.

Вилодаки, входя в аудиторию, всегда бросал от двери свой портфель на стол, портфель летел и хлопался точно на место. Это был коронный трюк грека, он ни разу не промахнулся. Любил покушать: как-то, объясняя новый материал на последнем уроке, когда все думали об обеде, вместо «искра» сказал «икра». Однажды во время урока Широков пытался решить провололочную головоломку: надо было разделить соединённые между собой части. Борис Такисович ходил и рассказывал о туннельных диодах. Он вырвал головоломку у Артёма и занялся ею. Продолжая лекцию, курсировал между рядами и, проходя мимо Широкова, бросил ему на стол рассоединённые части. А ещё Вилодаки в дни полочки подходил к Дыкиной, Рощепкиной и преподавателю сопромата Зосименко с просьбой разменять ему бумажные рублики и трёшки, после чего ехал домой с карманами, полными монет. Причина валютной операции был проста: жена у него мелочь не забирала.

Однажды Борис Такисович пришёл на урок сильно взвинченный, вызвал Гену Капитанова, долго и злобно терзал парня вопросами, наконец вклеил несчастному двойку и вышел. Народ начал роптать, а Генка высказал предположение:

— Грек пьяный!

Дверь приоткрылась, Вилодаки всунул голову в аудиторию и сказал:

— Ну и что?

На следующий день он сообщил:

— Девяносто процентов неисправностей в электронике вызываются двумя причинами: там, где контакт нужен, — он пропал, или там, где контакт не нужен, — он появился. В свою очередь, девяносто процентов таких неисправностей устраняются простым постукиванием и потряхиванием.

На Ордынке, на Зубовской площади, в Олсуфьевском переулке на торопливый московский народ падал снег: густой, обильный. Снегопад подвёл черту под затянувшейся сырой осенью. В такое утро завуч Славолубов поручил Артёму подготовить доклад: «Принцип работы автомобильного генератора». Дома Широков сдул текст из учебника, положил листы в белую папку, на её обложке написал тему, красиво обвёл тему чёрной тушью и явился на урок Василия Васильевича. Тот повертел папку в руках.

— Это что за траурная рамка? Уберите.

Артём послушно соскребывал рамку, лезвие громко скрипело. Завуч поморщился. Опять нехорошо.

— Широков! Не скребите!

К пятому декабря — Дню Конституции СССР 1936 года — папа Артёма принёс из института вкбнятину, которую было не найти в магазине. В заказ впихнули нагрузку — килограмм пшёнки. А через несколько дней иностранное радио сообщило сквозь глушилки о небывалом событии — митинге на Пушкинской площади, собравшем около двухсот человек, под лозунгом «Соблюдайте Советскую Конституцию!». Участников разогнали, некоторых задержали, и у них были неприятности. За ужином мама сказала:

— Когда у нас будет демократия?

Её муж проговорил с полным ртом:

— Никогда.

Возможно, он не ошибся.

Завуч Славолубов презирал Гену Капитанова за отсутствие у того интереса к машинам и механизмам. Однажды на уроке он подошёл к Генке, взял его сумку и высыпал на свой стол её содержимое. Перед глазами группы А-12 возникла горка: шахматная доска, хоккейная шайба, «Стихотворения и поэмы» Есенина и тоненькая школьная тетрабочка за две копейки, одна-единственная по всем изучаемым предметам. Группе стало весело. Был доволен и завуч. Вдруг прозвучала реплика юного поэта:

— Василий Васильевич! Вы взяли сумку, не спросив моего разрешения, всё высыпали из неё. Я так не поступил бы с вашим портфелем. Вы невоспитанный человек.

Славолубов побледнел. Группа замерла: исключат!

Но нет, ничего. Даже не был назначен педсовет.

3.

1966 год группа встречала в квартире Артюховых у станции метро «Новые Черёмушки». Артюховы-предки благородно ушли. Снова валил снег, храня Русь от стужи, замечая все беды. Били куранты — камертон Нового года. Родина, объята надеждой, пила водку. Когда на востоке, в Коломенском, взошло солнце, родители Майи вернулись. В квартире стоял дым коромыслом. Как в «Гаудеамусе»: возрадуемся, пока молоды! Отец повесил пальто и, не сказав ни слова, сел посреди комнаты читать вчерашнюю «Вечёрку». Гости поняли. Но кое-кто был не в состоянии передвигаться. Родители, проявив чудеса понимания и сочувствия, привели оставшихся безнадежных в годное для самотранспортировки на метро состояние.

Однажды на уроке Вилодаки показал Оле Кубиковой кусок проволоки, изобразил пальцем в воздухе синусоиду и спросил:

— Как вот в такой проволоке помещается вот такая синусоида?

Юморист.

А через пару дней завуч принёс мотор, поставил, снял крышку и тоже вызвал Олю:

— Покажите регулятор скорости.

Разве это занятие для юных девушек — копать в моторе? Они созданы не для этого, а для любви. Несчастная Кубикова печально склонилась над столом. Она впервые в жизни созерцала внутренности мотора и ни за что не нашла бы в нём регулятор скорости, даже если бы их там торчало десять штук. Но, как выяснилось мгновение спустя, регулятора в означенном моторе не было ни одного. Славолубов спросил:

— Не видите?

И достал деталь из правого кармана пиджака: — Вот регулятор скорости!

В восторге от собственного остроумия почесал регулятором себе спину.

На следующий день он принёс фильмоскоп и диафильм о двигателе внутреннего сгорания. Вращать ручку фильмоскопа поручил Петрушеву. Сам встал у экрана, направил указку на одну из деталей двигателя и объявил сидевшей в полумраке группе:

— Поршень.

Дима чуть-чуть подвинул фильмоскоп, поршень уполз от кончика указки. Василий Васильевич повернулся к экрану и удивился. Посмотрел, во что теперь упёрлась указка:

— Это коленчатый вал.

Снова повёл указкой и сообщил:

— Привод.

Повернулся к группе. Петрушев опять немного сдвинул фильмоскоп, теперь от указки отъехал привод. Группа была в восторге. Завуч посмотрел на экран:

— Что происходит?

Подозрительно поглядел на Петрушева. Тот отделил невинным взглядом. Славолубов с наслаждением почесал концом указки себе спину. Мухи в его ухо больше не залетали, но зато у него часто чесалась спина, и унимать зуд указкой было очень приятно.

В техникумовской столовке можно было за двадцать копеек наесться от пуза: четыре винегрета по четыре копейки, чай с сахаром и кусок чёрного хлеба. Широков и ещё трое учеников купили по двухсотпятидесятиграммовому картонному тетраэдру кефира, сели. Каждый, оторвав уголок пакета, выдавливал содержимое в стакан. Артём нажал на тетраэдр — и раздался взрыв хохота, сопровождаемый стоном Капитанова: его лицо закрыла белая маска; шея и рубашка Гены, его не элитный костюм — всё утонуло в кефире, вырвавшемся из пакета Артёма. Готовый фрагмент фильма ужасов киностудии «Частник». Химическая чистка

костюма стала непредвиденным расходом для Генкиной мамы, машинистки. Муж давно бросил её и сына. Она подрабатывала тем, что печатала в тридцати экземплярах (шесть закладок в машинку) список экзаменационных билетов для группы А-12, учащиеся собирали для неё по полтиннику. Её сын ходил зимой без перчаток, грел руки в карманах.

Иосия Виссарионовна Бабулькина преподавала скучный предмет с жутким названием «Допуски и посадки», как нельзя лучше подходящий к её имени и отчеству. Её ужасный двойной тёзка скончался за тринадцать лет до описываемых событий. Петрушев принёс на её лекцию книгу по сексологии. Это в эпоху, когда в Советском Союзе секса не было! В углу аудитории Дима Петрушев, Майя Артюхова и Гена Капитанов, не дожидаясь появления секса в СССР, принялись изучать захватывающий материал. В эту минуту близорукая Бабулькина попросила выполнить задание по теме урока. Заметив повышенную активность и оживление на двух задних партах, она участливо обратилась к этой тройке:

— Ну что, попробовали? Не получается? А вы дома потренируйтесь как следует, и обязательно получится!

Призыв нашёл живой отклик в душах и телах. После ознакомления с теорией секса начались практические занятия.

Четырнадцатого февраля был лёгкий морозец. В этот день стартовал прокат прикольного зарубежного фильма. Размер стипендии не покрывал материальные потребности, и ученики приехали к кинотеатру, накупили билетов. Когда билеты в кассе кончились, приступили к спекуляции. К Широкову подошла женщина:

— Продаёшь?

— Да.

Она взглянула на цену:

— Сорок копеек?

— Рубль, — потребовал наглец.

Дама без возражений заплатила. Потом на просмотре сидела рядом с юным дельцом. Могла дать его милиционеру. Впрочем, вероятность привода в отделение не пугала Артёма, ему это даже было бы интересно.

Вернувшись домой, он узнал, что телик не работает. Отец сказал:

— Почини, специалист.

Вспомнив рекомендации Вилодаки, сын поступал по «Рекорду», приподнял его, потряс, поставил, ещё раз постучал. Изображение и звук восстановились, и Широковы услышали новости: ввс США бомбят Демократическую Республику Вьетнам, в Сестриере (Италия) закрылась Универсиада зимы 1966 года, на суде в Москве писатели Юлий Даниэль и Андрей Синявский — «оборотни-пасквилянты с чёрной совестью» — получили пять и семь лет соответственно.

Фирма «Частник» выпустила новую незвуковую короткометражку под названием «Страдания юного Вертерова». Как было заявлено в начальных титрах, «фильм не очень художественный, но очень документальный». Директриса пришла посмотреть. Если бы кинокомпания продавала билеты, лента бы стала блокбастером и хозяин фирмы поправил бы своё благосостояние. Но коммерческие поползновения советских людей не соответствовали единственно верному научному мировоззрению, подлежали отмиранию. Женскую роль опытный сценарист Широков писал для известной в мтэа артистки Кубиковой. Третьекурсницу Леру — «комсомолку, спортсменку» — Оля сыграла без блеска и выдумки, но актрисам-обаяшкам, красоткам мужская половина зрителей прощает всё. Себе владелец кинокомпании, сценарист, режиссёр забрал главную мужскую роль — Вертерова, однокурсника Леры, страстно влюблённого в эту девушку, считавшего её одним из прелестнейших в мире созданий. Её стан, тон, манеры поглотили всё внимание героя. Он отвечал на экзамене аспиранту Альбертову — жениху Леры, прекрасно понимавшему, каким сокровищем она является. Стоял у доски безмолвный, грустный и думал про аспиранта: как он смеет любить её? У Вертерова вылетело из головы всё, что он знал об электрорадиоматериалах, ему было не до них. Юноша представил, как Альбертов будет обнимать стройный стан Леры, и его глаза наполнились слезами. У доски лежала тряпка, которой стирали мел, и Вертеров высморкался в неё. До сморкания в грязную тряпку Широков в сценарии не додумался, это была актёрская импровизация, потом в мтэа опять говорили про находку, на этот раз гениальную. Благородный Альбертов поставил сопернику «отлично» и женился на Лере. Потеряв Леру, Вертеров потерял всё. Но думал: она знает, как я люблю её! Он пришёл к ней в отсутствие её мужа. Последовал диалог (титры), во время которого Вертеров убедился, что и Лера его любит. Но Лера понимала, что пути к счастью ей закрыты, и выбежала из комнаты. Она принадлежала другому. Вертеров ушёл домой. Он был не в состоянии готовиться к следующему экзамену — по технологии металлов. Целый день работал над текстом прощального письма Лере: «Мне хочется вскрыть себе вену и обрести вечную свободу...» Потом желание умереть ослабло. Вскоре он познакомился с хорошенькой второкурсницей Лолой. На этом фильм кончился. Иоганн Вольфганг фон Гёте перевернулся в гробу.

Зажгли свет, и директриса сказала киномагнату: — Неплохо. Вы не там учитесь. Вам надо во вгик.

Артёму захотелось туда. Только вот на кого учиться: на сценариста, режиссёра, оператора, актёра или на всех сразу?

Дома папа одобрил картину:

— Это — другое дело.

Мама поддержала:

— Жизненно.

Приближалась весна. Дима Петрушев пригласил в гости Капитанова и Широкова. Артём предвидел карточную игру и отложил на неё немного денег. Решил прийти с бутылкой, но хватило только на «Яблочное столовое». Принесённое «вино» Дима назвал дерьмом, и Широкову захотелось одеться и уйти.

Сели играть. Быстро оставшись без копейки, Артём пересел на диван. Петрушев прокомментировал:

— Уже всё проиграл.

Они с Геной продолжали игру, пока не проигрался и Капитанов. Дима спросил:

— Господа! Кому нужна женщина?

И поднял руку. Генка, огорчённый проигрышем, буркнул:

— Мне не нужна.

Петрушев удивился:

— С каких это пор?

Посмотрел на не проголосовавшего Артёма:

— Ты воздерживаешься?

Широков был девственником и скрывал это.

— Я ещё не созрел, — сказал он.

(Если хочешь обмануть, говори правду.)

Но Дима всё понял и улыбнулся. Артём от смущения и стыда был готов провалиться сквозь землю.

Дома внимание Широкова привлекла в глубине шкафа книга в старинной обложке: «Подъ зимнимъ небомъ. Сборникъ стиховъ». На второй странице было напечатано: «Дозволено цензурою. Санктъ-Петербургъ. 20 января 1881 г.». Ниже красовался овальный фиолетовый штамп: «Пансіонъ Варвары Ивановны Урюпиной». Артём полистал.

Я гуляю, я гуляю, я брожу по парку,

А вернувшись, наливаю «Родерера» въ чарку.

Я не знаю, сколько вѣсень мне ещё осталось,

Но хотелось бы, чтобъ осень малость задержалась.

Сколько прелести печальной въ чарке и нощлеге

И поэзіи прощальной въ падающемъ снеге.

Колокольный звонъ несётся надъ притихшимъ лесомъ.

Либераломъ быть придётся. Можетъ, даже бесомъ.

4.

Перед Восьмым марта мужская половина группы послала Широкова за цветами. Он пришёл на радиотехнику пораньше с роскошными, необыкновенно красивыми лилово-малиновыми тюльпанами сорта «Хэдли» и раскладывал их на столе, по одному цветку для каждой девушки. Борис Такисовичу было любопытно: кому достанется тюльпан с самыми крупными лепестками? Ясно: Кубиковой.

Город долго ждал тепла, зима оказалась крутой и не уходила. Белым был март, снег мёл, мёл

в лицо. Артём задумал документальную кинокартину «Цветёт перелеска», чтобы под песню Булата Окуджавы «Дежурный по апрелю» в первых кадрах ещё лежал снег, а в последних вылезали из почек новые листики и всё расцветало. Но не сложилось: в мыслях парня изобретение братьев Люмьер уже вытеснила Оля, ею наполнились его утро, полдень и вечер.

Был объявлен воскресник; как всегда, добровольный, но обязательный. Коммунистка Рощепкина, преподавательница обществоведения, сказала завучу, что прийти не сможет. Беспартийная «англичанка» Дыкина тут же заявила Славолубову: — Если Верка не придёт, то и я не приду. — И я, — подключился Борис Такисович, тоже беспартийный.

В итоге все, и Рощепкина, убрали вместе с учениками лёд и мусор на бульваре. Артём работал рядом с Вилодаки. Борис Такисович опёрся на метлу и спросил у Веры Викторовны:

— Ты на какой кафедре защищала диплом?

— На кафедре научного коммунизма, — похвалилась та.

— Что это за наука? В ней ни одной формулы нет. В политэкономии хоть есть «деньги — товар — деньги штрих».

На следующий день на уроке, посвящённом двадцать третьему съезду КПСС, Вера Викторовна сказала:

— Артюхова! Сколько можно вертеться?!.. В отчётном докладе Первый секретарь ЦК Леонид Ильич Брежнев назвал так называемых писателей Синявского и Даниэля ремесленниками от искусства, очернителями, клеветниками, отщепенцами.

Широкову было жалко осуждённых.

Невзирая на политические проблемы, в Москву пришёл апрель — пора, когда птички трели греют и одуряют, нормальный мужчина становится ненормальным, думает об одной даме, не замечая прочих, и грустит как умеет: без тоски, но с печалью; ему хочется идти по бульвару домой с избранницей своего сердца, говоря ей слова любви, хочется, чтоб она внимала и чтоб ночь безумной страсти была вечной, а для полного счастья — чтоб обоим было по двадцать.

Артём ехал в трамвае. Вспомнил, что в восьмом классе у некоторых ребят были подружки, а у него не было. Вагон обгонял прохожих. Если бы у Широкова были способности Капитанова, он тут же сочинил бы стихотворение о том, что солнечные дождинки смывают усталость с лиц, хочется ехать и ехать по жизни шутя, стоя на задних лапах. Стихотворение посвящалось бы Оле и, возможно, содержало бы строку: «Ты мне — как этот дождь». Но Артёму поэтический дар не был послан, и он предложил Кубиковой загородную прогулку.

Воскресенье семнадцатого апреля выдалось тёплым. Электричка остановилась в лесу.

— Знаешь, как расшифровывается «отл»? — поделился свежей хохмой Широков.

— Нет, — заинтересовалась Оля, сошедшая с обложки «Burda»: причёска бабетта под Брижит Бардо, узкое немецкое пальто до «чуть выше колен» с поясом.

— «Обманул товарища лектора». А «хор»?

— Не знаю.

— «Хотел обмануть, разоблачили». «Уд» — «Ушёл довольный».

Развели на поляне костёр, проткнули прутками куски белого хлеба и поджарили их. Горячий хлеб пропитался дымком. Осуществилась задуманная кинокартина: цвела наяву, а не на экране перелеска благородная, лопались набухшие почки, юноша впервые целовался; как герой Окуджавы, он держал путь из конца в конец апреля, но был счастливее персонажа песни.

Вернулись в город вечером. Когда шли по Средтенке к Олиному дому, навстречу ползли автомобили с зажжёнными огнями. В мрачном и сыром небе не было видно ни одного светила, но Артём, благодаря Булату, знал: звёзды стали и круглее, и добрее.

Начало мая в столице бывает холодным. Но если даже выпадет снег, не надо печалиться, он быстро тает. Заря обнимается с Бородинским мостом. Гладь Москвы-реки отражает розовые закаты. В мае ждут лета, близкого, как счастье. Широков купил с рук два билета на последний сеанс показа зарубежного фильма, который хором ругала центральная пресса (лучшая реклама). Фильм шёл ограниченным прокатом, на окраине. Артём пригласил Олю. Прогулка с любимой девушкой — сказка. Билеты спрашивали за полкилометра от клуба. Широкову картина понравилась. Кубикова, выходя из зала, произнесла:

— Чепуха.

Артём защищал фильм. Оля иронизировала: — Ты, наверное, в восторге от сцены с обнажёнными. Как цензура не вырезала?

Широков вспомнил разговоры родителей. Сказал:

— Цензуре только дай волю. Сегодня запретит раздетых, завтра запретит одетых.

Заговорили о посадке писателей. Кубикова процитировала отца:

— Не надо было сочинять гадости.

Артём возразил:

— Они не насиловали, не грабили и не убивали. Писали книги. Литераторы не могут не писать. Что они там написали, это их дело. Они никого не заставляли читать.

У подъезда Кубикова показала бежевого цвета «Волгу», принадлежащую её семье. Сообщила:

— Папа хочет «Мерседес-Бенц».

— «Мерседес-Бэмс!» — сказал Артём.

Оля улынулась и чмокнула его в щёку.

В первые летние дни у всех не учёба была на уме. Завуч чертил мелом на доске схему и, не оборачиваясь, спросил:

— Что я черчу?

Димка Петрушев с задней парты:

— Х...ня какая-то.

Славолюбов, не расслышав:

— Правильно там шепчут.

Вадим Боголюбович Зосименко читал внучке книжки с картинками. Он имел сорок два года трудового стажа, оставался год до пенсии. Ему надоело не сопротивление материалов внешней нагрузке, которое он преподавал, а сопротивление дураков всему разумному, наблюдавшееся им с молодых лет. Ещё ему осточертел завуч Василий Васильевич, который если открывал рот во время междусобойчика, то только для того, чтобы сказать пошлости. Жена была на шесть лет моложе и говорила:

— Будешь скучать без работы.

— Эх, поскучать бы, — отвечал Вадим Боголюбович.

Они спали раздельно. Июньские ночи выдались жаркими, и супруги до утра лежали каждый со своим включённым вентилятором.

Летняя сессия завершалась экзаменом по сопромату. Учащиеся сидели в классе и один за другим уходили в соседнюю аудиторию сдавать Зосименко. Майя попросила Петрушева:

— Дим! Покажи, как отец спит.

Это был любимый всеми номер. Петрушев-старший работал мастером на шёлкоткацкой фабрике «Красная Роза». Дима уложил руки на парту, на них поместил голову, закрыл глаза и захрапел. Через десять секунд, не открывая глаз и не поднимая головы, воскликнул:

— Иванова! Иванова!

И продолжал храпеть. Умора.

Не вкатив ни одного «неуда», Зосименко шёл по аллее. В воздухе было разлито тепло. Вадиму Боголюбовичу представилось, что он сошёл с поезда, прибывшего в пригород рая, и видит живую маму. Как хорошо!

Навстречу шествовали Кубикова, Артюхова, Капитанов, Широков и Петрушев. Последний нёс сумку, полную бутылок.

— Уже празднуете? — улыбнулся преподаватель.

Учащиеся рассмеялись. Зосименко позавидовал их юности и вдруг увидел шагах в двадцати драку двух мужчин. Один упал, второй стал бить его ногами. Широков схватил бывшего за руку. Мужчина вырвал руку и пошёл прочь. Артюхова и Кубикова наклонились над пострадавшим, тот сел на асфальте и отрицательно повёл головой.

Переход на второй курс группа отмечала в шикарной квартире Кубиковых на Сретенке. Включили радиостанцию «Молодость». Из приёмника полился «Гимн расшалившихся комсомольцев» на музыку композитора Анатолия Григорьевича Новикова:

Песни «Битлз» обожает молодёжь,

Молодёжь, молодёжь.

Эти песни в магазине хрен найдёшь!

Хрен найдёшь! Хрен найдёшь!

На следующий день сняли главного редактора радиостанции Скоринкину.

5.

Через три года Артём получил диплом. Поступать во вГИК не стал. Возможно, мир потерял второго Нанни Моретти. А может быть, Широкова в кинематографе, как написал по другому поводу про другого юношу Александр Пушкин, «обыкновенный ждал удел».

В Советской Армии Артёму сначала было интересно, особенно когда на него свалилось звание младшего сержанта, потом надоело. После дембеля Широкову хотелось жить в чистом мире, но действительность порой оказывалась грязной. Артём привык относиться с любовью к ближним, а те, бывало, гадили ему на голову. Он искал счастья в отношениях с женщинами и был в этом чаще счастлив, чем нет.

Молодость сменилась зрелостью. Последняя перетекла в старость. Недавно Артемию Вячеславовичу приснилось, что ему сто два года. Его охватила тоска, соединённая с сильнейшим желанием жить. Открыв глаза, он понял:

— ему только шестьдесят семь;

— его семье нехило в зелёном микрорайоне, в трёхкомнатной квартире на втором этаже пятиэтажки, которая нормально простояла бы ещё полвека, если бы не реновация;

— он дослужился до солидной должности.

Похолодало. Отопление ещё не отключили.

В качестве третьего блюда жена подала миндальные пирожные. Артемию Вячеславовичу запрещено сладкое, и он старался не смотреть на круглые аппетитные комочки. Дочь подзадорил:

— Папа, они такие вкусные, трёхслойные.

Это была пытка.

Потом старик отдыхал в кресле, обсуждая с внуком, равнодушным к электронике и автоматике, выступления московского «Торпедо» — команды третьего уровня. Оба болельщика верны своему несчастному клубу.

Включил компьютер. Говорила немолодая дама: «Ленин писал Луначарскому, что не видит разницы между чёртом синим и чёртом зелёным. А я не вижу разницы между фашистом коричневым и фашистом красным. Ультралевые — за Россию „без буржуев“; не понимают: не будет „буржуев“ — не будет и колбасы».

Выключил. Поделится с супругой давней мечтой: снять документально-игровой фильм «О любви»; добавил, что ещё не созрел для такой темы.

Настал час идти на собрание членов жск. С удовольствием облачился в новую дублёнку. Расстроился:

— Она уже еле сходится на животе.

— Сейчас всем трудно,— успокоила жена.

Учетвёртого подъезда шумел митинг собственников.

— Провокаторы! Во время войны тоже были провокаторы.

— Пятая колонна.

— Я депутат.

— Депутат пусть говорит.

— Люди платят миллионы рублей, а нам в подарок.

— На Хлобыстова снесли два дома, и всех загнали в Некрасовку.

— Кто вы такая? Почему мы должны вас слушать?

У нас председатель есть.

Председатель правления Аксинья Торвальдовна Карлссон крикнула из окна:

— Заходите голосовать!

Народ повалил в подъезд. Квартира на первом этаже, в которой помещалось правление, всех не вместила. Председатель зачитала проект решения. Девушка спросила у неё:

— Я прописана. Могу голосовать?

— Только собственники.

Широков протиснулся к столу. Карлссон:

— Какая квартира? Паспорт. Пишите: «за» или «против».

Артемий Вячеславович написал «против».

— На втором листе пишете: «согласен»,— и распишитесь.

— Как же согласен, когда я против?!

— Согласен с протоколом.

— Так в протоколе вы написали, что мы одобряем снос дома. А я не одобряю!

Женщина из очереди— председателю:

— На лестнице много народу, они не слышали протокол.

— Я всех приглашала.

— Здесь места мало,— настаивала женщина.

— Я всё зачитала. Через час меня здесь не будет,— отрезала Аксинья Торвальдовна.

Широков покинул народный сейм, пришёл домой и сел смотреть хоккей. Под занавес матча россияне проигрывали одну шайбу, тренер Олег

Валерьевич Знорок убрал вратаря Андрея Василевского, и наши закадычные американские друзья вlepили нам в пустые ворота ещё одну.

Артемий Вячеславович вздохнул. Сказал жене:

— Меня никто ни разу не назвал плохим человеком.

Последовал ответ, так же далёкий от логики:

— Иди мыть руки.

Намыливая ладони, Широков думал: скорее всего, жильцы верхних этажей (чёрт бы их побрал), желая иметь лифт, проголосовали за снос дома. Посмотрел в зеркало на почти незаметный шрам на переносице. На втором курсе, на физкультуре, он и Петрушев фехтовали лыжными палками, и Димка нечаянно угодил ему остриём между глаз, пошла кровь. Идиот, подумал Артемий Вячеславович и улыбнулся. Вспомнил, как осваивал в МТЭА точные науки высокой техники и неточные науки реальной жизни. Словно на экране кинозала, ожили в его сознании покинувшие планету: глупый, но не злой Славолюбов; зануда Рощепкина; славные мужики Вилодаки и Зосименко; добрая Бабулькина; недавно ушедшая Майя Артюхова.

А Агнесса Алексеевна Дыкина жива, в семьдесят четыре года репетиторствует у себя на квартире.

Подумал о безразличных ему однокашниках. Дима Петрушев, всю жизнь занимавшийся ремонтом техники и электроники, спроектировал и своими руками построил на берегу Икшинского водохранилища дачу, с тех пор живёт в ней круглый год с женой; в их московской квартире обитает сын с семьёй. Гена Капитанов, так и не работавший ни одного дня по техникумовской специальности, ездит на службу полтора часа в общественном транспорте; опубликовал проникновенную патристическую лирику. Но печатающихся поэтов в России нынче двести тысяч; читатель если и трогается сегодня на художественную литературу, то лишь на детектив в прозе. Генка живёт одиноко и доволен этим. Оленька Кубикова— нежное потрясение его, Артёма, полудетского сердца,— была успешным трейдером, в 2014 году поселилась с мужем в Лондоне, на Уайт Бёрч стрит, на сорок восьмом этаже нового небоскрёба.

А вот август 1965 года: ещё одна девочка. Вытирает слёзы. Увлекается электроникой, но не зачислена в МТЭА из-за ошибок в диктанте.